

УДК 355.55(47)''1917/1922''

СИБИРСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*В. А. Шульдяков***SIBERIAN CADET CORPS IN THE YEARS OF THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR***V. A. Shuldyakov*

Статья посвящена малоизученной странице истории Гражданской войны в Сибири. Автор подробно освещает жизнедеятельность Сибирского кадетского корпуса в переломный период отечественной истории. В публикации аргументировано доказана антибольшевистская ориентация молодых воспитанников этого учебного заведения. Впоследствии многие из них встали в ряды белой Сибирской армии, а затем ушли в эмиграцию через Китай на Балканы.

The paper is devoted to the little-known page of the history of the Civil War in Siberia. The author provides a detailed description of the life of Siberian Cadet Corps during the critical period in Russian History. The paper suggests convincing proof for the anti-Bolshevik orientation of the young students of this institution. Subsequently, many of them rose in the ranks of the Russian White Army, and then went into exile through China to the Balkans.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, Омск, кадеты, конфликт между воспитанниками и педагогами, борьба против большевиков, эмиграция, традиции.

Keywords: Revolution, Civil War, Omsk, cadets, conflict between students and teachers, struggle against the Bolsheviks, emigration and traditions.

По старшинству Сибирский кадетский корпус в г. Омске был шестым военно-учебным заведением России кадетского типа и первым среди провинциальных кадетских корпусов. Весной 1913 г. корпус отметил свое столетие, в связи с чем был переименован в 1-й Сибирский императора Александра I кадетский корпус.

Если гражданские преподаватели корпуса встретили Февральскую революцию с сочувствием и даже радостью, то офицеры были случившимся просто «пришиблены» [8, л. 23]. К середине марта педколлектив политически самоопределился. Открытыми монархистами остались трое: директор корпуса полковник Генерального штаба А. К. Зиневич, ротные командиры полковники Е. В. Руссет и В. И. Попов-Азотов. Большинство преподавателей и некоторые офицеры, в том числе инспектор классов полковник С. Ф. Забуга, записались в Омскую организацию Партии народной свободы (к.-д.) [8, л. 31]. Во второй половине марта группа педагогов (А. А. Незванов, С. А. Жихарев, А. Н. Клементьев, подполковник В. П. Петров) попыталась сместить директора корпуса за контрреволюционность [8, л. 33], однако не нашла поддержки командования Омского военного округа и была осуждена общим собранием офицерско-преподавательского состава заведения [8, л. 34]. До июня 1917 г. корпус по инерции функционировал на дореволюционных основаниях.

Неизбежное признание руководством корпуса Временного правительства было с пониманием встречено старшей – 1-й – ротой кадет [8, л. 24]. Но никакого ликования по этому поводу, как в других учебных заведениях Омска, в корпусе не было. Когда низшие служащие постановили убрать из помещений все портреты и символику династии Романовых, кадеты не позволили им этого сделать. Они категорически отказались участвовать в параде Омского гарнизона под присланным в корпус красным знаменем. Корпус вышел на парад, но без каких-либо революционных

символов [12, с. 196, 198]. Когда выяснилось, что Временное правительство готовит преобразование кадетских корпусов в военные гимназии, воспитанники Одесского кадетского корпуса разослали по другим корпусам стихотворный призыв к духовному сопротивлению реформе. Первыми откликнулись на него, также в стихотворной форме, семиклассники Сибирского корпуса: «...Под серой курткой гимназиста / Кадета сердце будет жить, / И «Звериаду», как и прежде, / В священной целости хранить. // Переодетые кадеты, / Сомкнитесь дружною семьей / И в новом корпусе храните / Традиционный старый строй» [1, с. 23].

Летом Временное правительство начало реформу военно-учебных заведений, которую затем сорвал Октябрьский переворот. Корпус был переименован в 1-ю Сибирскую гимназию военного ведомства, все императорские портреты и эмблемы из него были убраны, винтовки 1-й роты спрятаны в цейхгауз, Юбилейное знамя по распоряжению Главного управления военно-учебных заведений – отправлено в Петроград [12, с. 200]. Ранее старшие в классах назначались начальством, теперь их предписали выбирать самим учащимся. Погоны заменили: вместо вензеля «А» с римской цифрой «I» и короной теперь на них был скромный трафарет: «ОмК» [7, с. 355] (использовали запасы старых погон образца 1907 г.).

1917/1918 учебный год начался с инцидента, показавшего расстановку политических сил внутри гимназии. Недовольство вернувшихся с каникул воспитанников вызвало то, что директор А. К. Зиневич не только отправил Юбилейное знамя в столицу, но и решил считать «корпусным флагом» красное полотнище. Возмущенные кадеты тайно похитили и сожгли этот флаг. Если гражданские преподаватели негодовали от того, что воспитанники позволили себе «так ярко проявить свою контрреволюционность», то сочувствие офицеров явно было на стороне кадет. «Однако общая опасность заставила всех держать язык за

зубами, и инцидент не получил дальнейшей огласки». Зиневич не только убедил всех не выносить сор из избы, но и – на случай возмущения совдепов – подстраховался: по его приказу в корпусной мастерской немедленно было изготовлено «новое роскошное полотно», прибито к дереву от знамени и поставлено в директорском кабинете [8, л. 35].

А. К. Зиневич, исходя из настроений кадет, считал, что они «способны погубить себя и весь корпус» [8, л. 35 – 36]. Чтобы не допустить этого, а также переложить часть ответственности за детей на их родителей, директор создал родительский комитет, призванный помогать «регулировать взаимоотношения между различными корпусными группировками и влиять на воспитанников», и ввел в педсовет учебного заведения двух представителей этого комитета. Найдя опору в родителях, Зиневич взял курс на политический нейтралитет военной гимназии, выставив свой «главный тезис»: «все для сохранения корпуса, устранения воспитанников от политических треволнений, т. е. нейтралитет учебного заведения во всем, кроме борьбы за его функционирование» [8, л. 36].

С сентября во время увольнений кадетам все чаще приходилось отстаивать «честь мундира» кулаками в драках с хулиганами из городских низов [12, с. 200]. Усиление агрессивности внешней среды привело осенью 1917 г. к тому, что кадеты «подтянулись», стали сами следить за дисциплиной, окружив офицеров особым уважением, честь им старались отдавать как можно более отчетливо. Первыми во всей России омичи прекратили устраивать офицерам и преподавателям «бенефисы», т. е. акты организованного демонстративного неповиновения начальству. Семиклассники постановили за опоздание в строй или в церковь пороть. За эти проступки на «лобном месте» (коврике в уборной) давали по 25 «поясов» [9, с. 40]. В общегородскую организацию учащихся кадеты вступить отказались [12, с. 200].

1 ноября 1917 г., поскольку был слух, что в Петрограде юнкера оказывают восставшим большевикам упорное сопротивление, а А. Ф. Керенский стягивает к столице верные войска, кадеты решили поддержать вооруженное выступление 2-й Омской школы прапорщиков в защиту Временного правительства. 1-я, строевая, рота корпуса самовольно вооружилась винтовками. Придя вечером 1 ноября в роту, А. К. Зиневич «застал кадет при оружии и по их возбужденному, воинственному виду» понял, что «они решили без боя не сдаваться». Директору с помощью офицеров удалось уложить воспитанников спать. И когда к корпусу для его разоружения подошел «целый батальон» революционных войск, его представителей провели в цейхгауз и показали «мирно стоящие в пирамидах винтовки» [8, л. 36 – 37].

Октябрьский переворот сплотил воспитательско-преподавательский персонал и кадет, но зато подняли головы вольнонаемные служащие и особенно солдаты служительской команды, которые теперь отказывались от выполнения своих функций, заявляя, что кадеты и сами могут о себе позаботиться, а главное – стали следить за каждым шагом корпусных офицеров [8, л. 37 – 38].

В декабре 3-й Западно-Сибирский съезд Советов р. и с. д. постановил преобразовать Сибирскую гимназию военного ведомства в гражданское учебное заведение. А Военно-окружной комитет назначил в нее своего комиссара прапорщика Н. Фатеева, который приступил к «демократизации» заведения [10, с. 37].

Согласно приказу ВОКома № 840 от 14.12.1917 г., все военные чины должны были снять погоны. Этот приказ вызвал «чуть ли не открытый бунт в корпусе». Потребовались длительные уговоры офицеров, избившие нескольких кадет солдатками в городе со срывом с них погон [8, л. 37], наконец, ультиматум Н. Фатеева, пригрозившего закрыть заведение, если погоны немедленно не будут сданы в цейхгауз. Лишь тогда воспитанники, ради нормального окончания учебного года, согласились снять погоны. Но подчинились они только наполовину. Ими был устроен однодневный «бенефис» (небольшой беспорядок в столовой) [7, с. 355 – 356] и на следующий день проведены «похороны погон». По одним данным, это была тайная ночная церемония [8, л. 38; 5; 2]. По другим – совершенно открытое, торжественное действо: с духовым оркестром, траурной процессией, гробом и публикой [7, с. 356]. Похоронили погоны в нижнем саду корпуса [12, с. 203]. Большевики не оставили эту демонстрацию без ответа: вырыли погоны, облили керосином и сожгли. Директору А. К. Зиневичу запомнилось, как сумрачно смотрели кадеты «на всю эту процедуру сожжения дорогих для них отличий» [8, л. 38].

Снятие погон произошло 18 (31) января 1918 года. 7-й класс объявил этот день «Днем похорон погон». С тех пор неофициальная традиция запрещала 31 января танцевать, петь, играть, вообще веселиться. В этот день «трубам не играть, барабанам не бить»; все сигналы подавались звонками или голосом. Эта традиция соблюдалась до расформирования корпуса в Югославии в 1925 г. [14, с. 105, 111].

В рамках «демократизации» педсовет гимназии был значительно расширен. Представительство в нем родительского комитета удвоилось. Затем в него были введены «выборные» от служительской команды и, наконец, – в последнюю очередь – от каждой кадетской роты; все – с правом решающего голоса [8, л. 38]. ВОКомом был прекращен отпуск средств на содержание корпусной церкви, учителей Закона Божия и танцев. Штаты учебного заведения сократили. Уволили всех ротных командиров и часть офицеров-воспитателей. Оставили только семь воспитателей. Вместо А. К. Зиневича исполняющим обязанности директора родительский комитет и педсовет избрали полковника С. Ф. Забугу, его утвердил ВОКом [10, с. 37 – 38; 16]. Ко всем этим новшествам кадеты относились враждебно, оказывая им пассивное сопротивление. Когда комиссар разрешил в храм не ходить, кадеты наоборот перестали ловчить, и все до одного смиренно простаивали в корпусной церкви все службы. Тех, кто по лености пытался уклониться, строго преследовали сами воспитанники [12, с. 203].

Когда в Омске начал проводиться декрет «О свободе совести» и прошел слух, что большевики собираются грабить церкви, группа кадет решила охранять стоящий рядом с корпусом Войсковой Никольский

собор. С согласия настоятеля о. Леонида Покровского ночами по два кадета, вооруженных револьверами, стали дежурить в запертом храме. Причем было условлено, в случае нападения грабителей дежурные ударят в набат, и все кадеты выйдут на защиту собора. В ночь на 19 (06) февраля 1918 г. большевики арестовали архиепископа Омского и Павлодарского Сильвестра. Около 4 часов ночи 19 февраля Войсковой собор вслед за другими храмами города ударил в набат. Кадеты хлынули из корпуса к собору. После молебна вместе с прихожанами они двинулись к Успенскому кафедральному собору – «на выручку архиепископа». На мосту через Омь красногвардейцы угрозой расстрела остановили толпу. Тем временем к Войсковому собору из Захламинской станицы явились партизаны есаула Б. В. Анненкова, забрали из него «Знамя Ермака», другие казацкие реликвии и, отстреливаясь от патрулей, ушли из города. Затем, когда красногвардейцы попытались разогнать вновь собравшуюся у Никольского собора толпу, вокруг него и на прилегающих улицах произошла грандиозная жестокая драка. В итоге, кадеты, «вооруженные» цигелями (металлические прутья от кроватей, на которые вешали полотенца), обратили в бегство красногвардейцев, бившихся прикладами, но открыть огонь не решившихся. Утром в корпусе начались учебные занятия [12, с. 205, 207; 17, с. 170 – 173].

Днем 19 февраля корпус был оцеплен войсками, в том числе матросами 1-го Северного морского карательного отряда. Красные открыли ружейный огонь по фасаду корпуса, бросили в окна несколько гранат и затем ворвались в здание. Кадеты сопротивления не оказали, корпусные винтовки, смазанные маслом, давно были заперты, с патронами, в цейхгаузе. Начался обыск и допросы [12, с. 207 – 208]. Омский совдеп постановил в трехдневный срок расформировать и распустить три старших класса корпуса. 20 февраля педсовет был вынужден на это согласиться [13, с. 21; 16]. 21 февраля большевики произвели в корпусе второй обыск. В результате двух обысков они изъяли из цейхгауза корпуса 18 трехлинейных винтовок, 13 однозарядных винтовок Бердана № 2, 10 карабинов Сколера, патроны, а из корпусного музея – 13 старинных ружей. 22 (09) февраля 1918 г. воспитанники 5-го, 6-го и 7-го классов покинули корпус [4, с. 1].

После этого началось «удушение» корпуса большевиками. Была изменена учебная программа. Классные занятия сократили с обычных 6 часов в день до 4-х. В марте в корпусе начали формировать добровольческие части РККА, с обучением стрельбе в корпусном тире и метанию боевых гранат на берегу Иртыша. Кадетам запретили ходить по плацу и нижнему саду. Видя развал учебного заведения, родители стали забирать детей, и к началу апреля число оставшихся кадет не превышало ста человек, в основном иногородних. Их свели в один возраст и поселили на третьем этаже, а первый и второй этажи превратили в казармы интернационалистов «международных социалистических партизанских отрядов» и красноармейцев [12, с. 210]. Педсовет корпуса решил закончить учебный год к 19 апреля и распустить детей на летние каникулы [16]. В это время в корпусе фактически было коллегиальное управление: комиссар (Маленко,

бывший политссыльный [12, с. 208]), председатель педсовета (Забуга) и председатель комитета вольнонаемных служащих (Белоконев) [4, с. 1]. Оставшиеся кадеты держались сплоченно. Функции 7-го класса, хранителя традиций, взяли на себя как самые старшие четвероклассники. Они всемерно поддерживали воинскую дисциплину и всячески противодействовали комиссару [12, с. 209].

В апреле кадеты разъехались по домам, осталось лишь человек 15 сирот [12, с. 211]. В мае 1918 г. президиум Западно-Сибирского совдепа решил окончательно расформировать корпус, для чего создал ликвидационную комиссию, а оставшихся кадет перевести в пансион одной из местных гражданских гимназий [15, с. 2]. До августа 1918 г. корпуса не существовало. Изгнанные из корпуса и возвратившиеся в свои города кадеты-омичи, особенно трех старших классов, представляли собой готовые ячейки для тайных военных организаций. Летом 1918 г. они воевали в составе многих частей Сибирской армии.

Временное Сибирское правительство восстановило 1-ю Сибирскую гимназию военного ведомства. 31 августа 1918 г. в должность директора вступил генерал-майор В. Д. Нарбут, занимавший ее затем до 1921 г. Уволенные большевиками ротные командиры, офицеры-воспитатели и преподаватели возвратились на прежние должности [12, с. 212]. 6 сентября кадетам, как и всей Сибирской армии, вернули погоны. Наконец, 16 сентября 1918 г. в молебном корпусном храме начался новый учебный год [16].

Особенностью учебного года стало то, что в корпус явилось около ста кадет других корпусов. Они предьявляли в канцелярии свои отпусные билеты и просили о зачислении в списки корпуса. Сначала их прикомандировывали, а потом и перевели. Особенно большой приток таких кадет со стороны был во 2-ю роту (средний возраст). Из-за перегруженности 5-го класса пришлось создать в нем дополнительное 3-е отделение, в которое и зачисляли всех прикомандированных. Кадеты-омичи прозвали его «Иностранным отделением» [12, с. 308]. Другой особенностью было то, что учебному заведению вернули не все его помещения. Часть их занимали чехи (особый отряд и лазарет) и русский военный контроль (контрразведка) под началом полковника И. И. Зайчека [7, с. 357; 12, с. 214; 6, л. 103].

С приходом к власти А. В. Колчака гимназию переименовали в 1-й Сибирский кадетский корпус и вернули ему прежнюю строевую организацию. Учебное заведение стало функционировать почти что на дореволюционных, за исключением монархических символов, основаниях. 1-й роте выдали винтовки и боевые патроны [12, с. 213]. Всю зиму 1918 – 1919 гг. эта рота не только училась, но еще и несла караульную службу у дворца генерал-губернатора, где располагались кабинет и канцелярия Верховного Правителя и заседал Совет министров. В караул назначалось по 11 человек, кадеты стояли на трех постах [7, с. 356 – 357]. Во время большевистского восстания в ночь на 22 декабря 1918 г. 1-ю роту подняли по тревоге и выставили от нее караул к корпусной электростанции. Рота прокараулила всю ночь, готовая выступить на

поддержку гарнизона, но ее так никуда и не послали [7, с. 357].

В начале 1919 г. в 5-м классе, восхищенном подвигами Б. В. Анненкова, возник сговор с целью побега к атаману в Семипалатинск. В феврале «заговорщики» группами по два – три человека самовольно покинули корпус и вступили добровольцами в Азиатский батальон 3-го Сводно-партизанского пехотного полка Партизанской дивизии, составив в нем команду разведчиков. В конце июля 1919 г., после боев на Урале и по приказу свыше, кадет откомандировали из полка обратно в корпус [12, с. 305, 297].

На военных парадах, которые часты были в столичном Омске, 1-й Сибирский кадетский корпус всегда был первой частью, проходившей перед Верховным Правителем церемониальным маршем. А. В. Колчак не упускал корпус из поля своего зрения, участвовал в судьбе как всего учебного заведения, так и отдельных кадет. Корпус находился совсем рядом с резиденцией Верховного Правителя, и адмирал часто бывал на службах в корпусном храме; при посещениях заведения он неоднократно имел беседы с кадетами [12, с. 214]. В воспоминаниях из этого своего общения с Колчаком питомцы корпуса делали вывод, что Александр Васильевич «очень любил кадет и внимательно к ним относился» [12, с. 213]. Последние, очевидно, отвечали ему взаимностью. Поэтому в 1920 г. они так тяжело восприняли известие о расстреле своего верховного вождя, прибавив к неофициальным корпусным традициям еще один траурный день – 7 февраля. Уже в эмиграции, в Югославии, у них возникла традиция собирать в этот день тридцать русских серебряных монет и отсылать их во Францию французскому генералу М. Жанену, как Иуде Искаротскому, за предательство «на смерть большевикам» Верховного Правителя России [11, с. 50].

В мае 1919 г. корпус благополучно закончил учебный год. Кадеты разъехались: выпускники отбыли на Томские военно-училищные курсы [12, с. 216], остальные – на летние каникулы. Но приближение фронта и перегруженность Омска заставили срочно эвакуировать корпус на восток. Кадет телеграммами собрали к 25 июля в Омск. После эвакуации во Владивосток (30 июля – 27 августа 1919 г.) корпус был размещен на Русском Острове: в бывшем городке 9-й Сибирской артбригады [12, с. 218; 14, с. 105].

На Русском Острове вследствие краха колчаковского режима и благодаря присутствию на Дальнем Востоке японских интервентов корпус пережил еще один «революционный цикл». Сначала разоружение (31.01.1920) и вторичное снятие погон (04.02.1920, этот день в корпусной традиции также стал траурным) [14, с. 111]. Затем Приморское областное земское правительство взялось за «демократизацию» корпуса, преобразовав его в военную гимназию. Потом в учебном заведении появился комиссар и взялся за «углубление революции». Жизнь под «розовой» приморской властью отличалась от подобного периода 1917 – первой половины 1918 гг., главным образом, мизерностью финансирования и полуголодным существованием. В январе 1921 г. областное правительство передало заведение из военного ведомства в

отдел народного образования, с соответствующим сокращением штатов и учебных программ, и распорядилось закончить учебный год к 1 апреля, выпустив сразу два класса: не только 7-й, но и 6-й, т. к. в преобразованном в гражданское заведении предполагался шестилетний курс обучения. Руководству военной гимназии удалось перенести срок окончания учебного года и выпуска на 1 июня 1921 г. [12, с. 226 – 229].

Белый переворот 26 мая 1921 г. спас заведение. Временное Приамурское правительство вернуло ему название «1-й Сибирский кадетский корпус», ротную организацию, винтовки 1-й роты и т. д. 94-й выпуск разъехался по воинским частям, а затем был собран в открытое осенью 1921 г. на Русском Острове Корниловское военное училище. Генерал Нарбут был назначен инспектором классов этого училища, а 1-й Сибирский кадетский корпус принял от него полковник Е. В. Руссет (с 19.12.1921 г. генерал-майор) [12, с. 231]. Особенностью 1921/1922 учебного года был наплыв в корпус, особенно в 3-ю роту сыновей беженцев и жителей Владивостока. Среди поступивших владивостокцев оказались двое, пристрастившиеся к наркотикам. Кадетская среда быстро отреагировала на это новое для нее явление: старшеклассники выпоролли наркоманов, которые после этого оставили корпус. В 1923 г. кадеты-омичи записали в свою «Звериаду» новое требование: запрет на употребление наркотиков [14, с. 111 – 112]. Весной 1922 г. корпус сделал последний на Родине – 95-й – выпуск.

В связи с падением белого Приморья корпус 25 октября 1922 г. на судах Сибирской военной флотилии был эвакуирован из России (на Русском Острове остались 3-я рота, несколько офицеров и большинство преподавателей).

Почти два года провел корпус в г. Шанхае, сделав два выпуска (96-й и 97-й). В 1924 г. двумя партиями, в феврале и ноябре, Сибирский и Хабаровский кадетские корпуса на пароходах были перевезены из Китая в Югославию, где 1 февраля 1925 г. в г. Сплите оба корпуса были расформированы, а кадеты и выпускники – распределены по уже существовавшим в Югославии русским эмигрантским кадетским корпусам и другим учебным заведениям. Последний год корпусом руководил в качестве временно исполняющего должность директора полковник В. И. Попов-Азотов.

Разномыслие между гражданскими преподавателями и офицерами корпуса, обнажившееся вследствие Февральской революции, после Октябрьского переворота сошло на нет, и в 1918 – 1922 гг. личный состав корпуса почти единодушно, за исключением части низших служащих, был на стороне Белого движения. Если корпусные офицеры, чувствовавшие ответственность за вверенных им воспитанников, а также за собственные семьи, в военно-политических событиях держались пассивно, выжидательно-нейтрально, то кадеты со свойственными отрочеству и юности горячностью, максимализмом приняли живейшее участие в вооруженной борьбе. Летом 1918 г. они дали заметный процент добровольцев в партизанских отрядах есаулов И. Н. Красильникова и Б. В. Анненкова под Омском и штабс-ротмистра Э. Г. фон Фрейберга под Ачинском. И далеко не все, несмотря на приказы, возвращались из войск к учебе (например, кадет Ло-

гин Пепеляев, младший брат знаменитых В. Н. и А. Н. Пепеляевых, доброволец Томского гусарского полка, убитый в бою с красными партизанами 01.01.1919 г. [3, с. 2]). Корпус дал белым режимам, в их военные училища, четыре выпуска.

В агрессивных внешних условиях противоречие между кадетским сообществом и воспитательно-преподавательским составом отходит на дальний план, отсюда отказ самих кадет от «бенефисов». «Корпусная семья» продемонстрировала в революционных событиях большую внутреннюю спайку, обеспечивавшуюся как духовной близостью между постоянным и переменным составами, так и неформальными отношениями в кадетской среде: внутриклассным товариществом и взаимопомощью, строгой ротно-

возрастной иерархией, «подтягиванием» младших старшими, гегемонией старшего 7-го класса. Механизм укрепления самодисциплины был прост и эффективен. Поведение кадет жестко контролировалось теневой властью корпуса – «майоратом», состоявшим из пяти-шести семиклассников. Из его поля зрения ничего не ускользало, и наказывал он жестче, чем власть официальная, вплоть до телесных наказаний [7, с. 354 – 355, 357]. Но никакие «пояса» или «кошки» (имеется в виду порка поясными ремнями и ножнами от штыка) не помогли бы, если бы корпусных офицеров и всех кадет не объединяли ценности, воспитываемые русской военной школой, главные из которых – любовь к Родине, честь, товарищество, дисциплина.

Литература

1. 1917-й год // Кадеты. Париж. 1948. № 2. С. 23.
2. Арсеньев А. Как они хоронили свои погоны. Из жизни кадет Омского корпуса в 1918 году // Луч Азии. Харбин, 1941. № 10. С. 6 – 7.
3. В. Н. Памяти героя (Л. Н. Пепеляев) // Сибирская речь (Томск). 1919. № 7. 12 января. С. 2.
4. В Первой Сибирской гимназии военного ведомства // Омский вестник. 1918. № 48. 15 (02) марта. С. 1.
5. Волкова М. В. Красивый жест // Сибирский казак (Харбин). 1932. 19 дек. С. 6.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 62.
7. Григоров К. М. «Летал я как песчинка по случайным маршрутам трех континентов...» Из воспоминаний // «Жизнь – Родине, честь – никому!». Омский кадетский корпус. 1813 – 2013. Ист. очерки и материалы / автор-сост. В. А. Шулдяков. [Омск, 2013]. С. 352 – 358.
8. Зиневич А. К. Выписки из дневника бывшего директора 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1916 – 1920 гг. Рукопись // ГАРФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4.
9. На кадетском фронте. От редакции // Кадеты. Париж. 1949. № 2(7). С. 40.
10. Очерк деятельности Омского военно-окружного комитета, избранного 3-м Западно-Сибирским областным съездом Советов рабочих и солдатских депутатов за время от 11-го декабря 1917 г. по 31 января 1918 г. (доклад тов. Рускиса) // Западная Сибирь. Омск. 1918. № 3. С. 33 – 38.
11. П. Б. Тридцать серебряников: Плата за предательство // Кадеты. Париж. 1950. № 11. С. 50.
12. Первый Сибирский Императора Александра I Кадетский Корпус. Шанхай. 1940. 416 с.
13. Протокол № 22 пленарного заседания Омского Вокома 11 марта 1918 г. // Западная Сибирь. Омск. 1918. № 2. С. 21.
14. Соколов В. А. Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус: 175 лет со дня основания 1 мая 1813 года // Кадетская переключка. Нью-Йорк. 1989. № 47. С. 100 – 115.
15. Хроника // Омский вестник. 1918. № 102, 26 (13) мая. С. 2.
16. Цветкова Г. «Мы – дети страшных лет России...» // Вечерний Омск. 1992. 13 авг. С. 3.
17. Шулдяков В. А. К предыстории «анненковщины»: Отряд особого назначения Сибирской казачьей дивизии в марте 1917 – феврале 1918 года // Недбаевские исторические чтения. Омск. 2008. С. 158 – 188.

Информация об авторе:

Шулдяков Владимир Александрович – кандидат исторических наук, профессор Омского экономического института, shuldyakov2007@yandex.ru.

Vladimir A. Shuldyakov – Candidate of History, Professor at Omsk Institute of Economics.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.